

A portrait of Alexander Pushkin, the Russian poet, in a dark coat with a high collar. The background is a mix of dark green and blue tones.

ЕВГЕНИЙ
КОСТИН

ПУШКИН:
ДУХОВНЫЙ
ПУТЬ ПОЭТА

МЫСЛЬ И ГОЛОС
ГЕНИЯ

Евгений Александрович Костин Пушкин. Духовный путь поэта. Книга первая. Мысль и голос гения

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36065847

*Пушкин: духовный путь поэта. Мысль и голос гения: Алетея; СПб.;
2018*

ISBN 978-5-907030-09-1

Аннотация

Новая книга известного слависта, профессора Евгения Костина из Вильнюса, посвящена творчеству А. С. Пушкина: анализу писем поэта, литературно-критических статей, исторических заметок, дневниковых записей Пушкина. Широко представленные выдержки из писем и публицистических работ сопровождаются комментариями автора, уточнениями обстоятельств написания и отношений с адресатами.

Содержание

Введение	5
Письма Пушкина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Евгений
Александрович Костин
Пушкин: духовный путь
поэта. Мысль и голос гения**

© Е. А. Костин, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Введение

Рано или поздно в жизни каждого исследователя русской литературы наступает момент, о котором он подсознательно думает, но отодвигает на *потом*, – когда он должен определиться со своим отношением к Пушкину. Причем, это отношение, конечно же, *должно* отличаться от поверхностных и эмоциональных восклицаний и суждений, повторяя вновь и вновь – *Он наше все*, он *солнце* русской поэзии, не *было бы Пушкина* – не *было бы ничего*. И не потому, что это будет неверным высказыванием, как раз наоборот, формулы эти, когда-то раз произнесенные, стали частью нашей устойчивой национальной мифологии, посвященной Александру Сергеевичу, но вопрос в другом – *что* именно ты можешь увидеть *своего* в его творчестве, биографии, всей его деятельности как поэта, публициста, историка, философа, общественного деятеля (да, именно *так*, поскольку ни движение декабризма, ни все вольнодумные речи демократов и радикалов XIX века, невозможны без его стихов о *Вольности*, без «Бориса Годунова» и «Медного всадника», без самого *воздуха* свободы, который разлит во всем его творчестве).

Одна из центральных тем в пушкинистике – это, безусловно, понимание общего духа пушкинского художественного мира. Кем он был – атеистом или богобоязненным христианином, человеком эпохи Просвещения с явным западным

привкусом или настоящим *русаком* – петровского, а где-то и Николая Павловича *оттенка*, если вспомнить его стихи о Польше («Клеветникам России», «Бородинскую годовщину», стихи о самом царе), что считать главным в его творчестве – «Евгения Онегина» или «Капитанскую дочку», «Бориса Годунова» или позднюю лирику, «Маленькие трагедии» или «Повести Белкина»? Не видно конца и краю спорам и разным точкам зрения. Да ведь и не только сейчас. Так было всегда, и началось почти сразу после его смерти.

Может быть, таинственная связь Пушкина со своими читателями, а шире – со своим народом, проявилась в ситуации его смерти и похорон, когда тысячи людей (по свидетельству очевидцев, а это просвещенные Карамзины, не склонные к преувеличениям, их было не менее 20 тысяч, что является колоссальной цифрой для того времени) приходили в дом поэта, чтобы проститься с ним, стояли громадными толпами на набережной Мойки, на Невском проспекте, когда на самом деле перепуганное правительство вдруг увидело в этой смерти, как и в смерти Александра Первого, повод для общественного негодования, для бунта, давно зная и понимая, что сам поэт не разделял взглядов о насильственном свержении власти. Об этом будут писать и В. А. Жуковский в письмах генералу Бенкендорфу и кн. П. А. Вяземский в письме к великому князю Михаилу Павловичу. Но в таком как бы в немом и неожиданном проявлении чувства поклонения и любви простого народа к своему поэту

было нечто большее, чем жалость по ушедшему таланту, по автору любимых произведений, в этом была скрыта та тайная, но сильнейшая любовь народа к своим святыням, которые необходимо всегда помнить и всегда оберегать. Пушкин стал для него, народа, такой святыней культурного рода. Это был, может быть, акт первого сильнейшего духовно-культурного самосознания русского народа, после которого оказалось возможным появление и осознание и Гоголя, и Толстого, и Достоевского, и Тургенева, и Гончарова, и Чехова и других гениев русской литературы как учителей и защитников, как пророков и святых. Именно с Пушкина – и кристаллизуется это именно сразу после его смерти – возникает устойчивое отношение в русском обществе к слову, как к основе собственного существования, как к критерию внутренней жизни, как к ценности, которую раз и навсегда приняв, необходимо беречь. Сохранять русское слово – это защищать Пушкина, и наоборот. Просто п о н я т ь такое невозможно, с этим можно только жить, размышляя над онтологическими ценностями бытия целого народа, выразившимися преимущественно в сфере художественно-эстетической.

Эта книга, которую читатель держит в руках, задумывалась как сквозное прочтение и комментарий писем, литературно-критических статей, исторических заметок, дневниковых записей Пушкина. Но комментарий особого рода. Он не будет носить характер академического истолкования

тех или иных исторических отсылок, литературных обстоятельств, связи с биографией и т. д. В книге будут приведены сведения об основных адресатах писем Пушкина, но не больше. Любого читателя можно отослать к академическому собранию сочинений поэта, к данным там комментариям, к многочисленным работам пушкинистов, в конце концов к ресурсам интернета. Так как любой человек, читающий на русском языке, по тонкому замечанию Андрея Битова, является пушкинистом по определению, то ему, читателю, и флаг в руки. Продолжай работу, ищи, истолковывай. Задача автора состояла в другом – увидеть путь движения мысли поэта, его человеческого и духовного становления, рассмотреть под этим углом зрения то, что, может быть, еще не было увидено ранее.

Конечно, невозможно было отказаться от обращения к стихам, прозе, историческим заметкам и литературной критике поэта. Но *красная нить* работы была именно такой – прочесть письма поэта и его литературную критику от начальной как бы точки до последних строк, написанных его рукой.

Автор книги помнит идею А. Г. Битова, который давно уже предлагал издать в с е г о Пушкина не так, как это привычно для собраний сочинений разного рода – от академических до многочисленных двух и трех-томников, с изданием отдельно стихов, отдельно прозы, отдельно драматургии. Он призывал посмотреть на *путь* Пушкина как на нечто уникаль-

ное в русской культуре, и поэтому воссоздать всю его творческую жизнь от первых опытов лицейского периода до последних, предсмертных писем и заметок – и опубликовать все это день за днем, последовательно.

Он и выполнил частично эту задачу, создав замечательную книгу «Предположение жить. 1836» (Москва, издательство «Независимой газеты», 1999), посвященную одному году жизни поэта, предварив ее несколькими глубокими статьями о значении и роли Пушкина в нашей жизни. В них он точно замечает, что «ни про одного человека в России мы не знаем столько, сколько про Пушкина, и ни одного – настолько же не знаем. Он так проявлен во всем, что его касалось, что рядом с ним любое другое житие окажется ограниченным ролюю. Пушкин лучше других понимал и назначение свое, и даже значение, однако никогда не бывал ограничен ролюю. То и поражает, что, под любым углом и прищуром, Пушкин до конца человек, вот и исполнил свое предназначение как никто другой».

Вообще, все, что связано с Пушкиным и его воздействием на русскую историю и русскую культуру, может быть обозначено одним только словом – *чудо*. Ну, вот один пример, описанный в литературе. Первенец Пушкина и Натальи Николаевны дочь Мария вышла замуж за поручика Леонида Гартунга. Он дослужился до генерала, впоследствии в 1877 году он был несправедливо обвинен в растрате казенных денег и застрелился в зале суда. В дальнейшем разбирательстве дела

он был оправдан. Мария Александровна больше не вышла замуж. Она встречалась с Львом Толстым в Туле, что описала Т. А. Кузьминская в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Толстой разглядел у нее «арабские завитки на затылке, удивительно породистые» и впоследствии не отрицал, что она послужила для него одним из прототипов Анны Карениной в плане наружности. Но и не это так потрясает, как то, что умерла «Машка», как называл ее в письмах к жене Пушкин, в 1919 году в Москве. Мыслимое ли дело? – первенец Пушкина, родившаяся почти сразу за восстанием декабристов (через 7 лет), настолько переживет свой век, что окажется в советской, ленинской России в ситуации гражданской войны.

Чудом является присутствие Пушкина как поэта, философа, родоначальника русской литературной речи мирового уровня и качества, совершившего неимоверный прорыв в самую суть русского языка, создавшего в тиши Михайловского и Болдино тот материк русской художественности, без чего ни русская культура, ни русский человек уже никогда не будут другими, менее эстетически развитыми, менее обостренно относящихся к вопросам духовности и нравственности, в самой русской жизни.

Хочется понять и разглядеть этот механизм пушкинской духовной структуры, которая повлияла на всех нас разом – людей, говорящих и думающих на русском языке, – и тогда влияло и влияет теперь – от Николая Первого до моего трех-

летнего внука, который упоенно слушает пушкинские сказки, покачивая головой в такт ритму и рифмам пушкинских строк: «... золотая цепь на дубе том, и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом».

И еще одно. За три года до смерти Пушкина, в 1834 году, Гоголь воскликнул о нем, как о русском человеке, который явится нам через 200 лет. Срок уже почти осязаем, но безусловно, что мы всё также далеки от Пушкина как некоего идеала русского человека. Как же так можно! – воскликнет здесь читатель, вы ведь еще ничего не описали, не проанализировали, не доказали, а суждение уже есть. Да, то-то и оно, что некоторые вещи, связанные с Пушкиным, очевидны еще до доказательств, априорно. Но от этого ничуть не теряет своей человеческой и научной занимательности задача – понять, что же такого создал *в себе* поэт, что мы считаем его мерилom и вершиной возможностей русского человека.

Автор не может, по вечной привычке филолога, не прибавить к этому выражению, что о *русском* он судит не по чистоте крови¹ и незапятнанному генеалогическому древу (сам Пушкин не особенно укладывается в эти мерки), но по ментально-культурной идентичности, о коей автор книги сам написал несколько статей, и не преминет в своем месте на них сослаться. *Русское* значительно шире по своему культурному

¹ Любопытен тот факт, что ближайшие друзья поэта также не отличались этнической чистотой: В. А. Жуковский по матери был турок, кн. П. А. Вяземский также по матери – ирландец.

составу, чем *этническое*. В современную эпоху, когда наблюдается известного рода возврат к *национальному*, несмотря на все *прелести* глобального переустройства мира, такая рефлексия русского становится и определенного рода задачей по исполнению предсказанного Гоголем пророчества в области *человеко-строительства* в связи с приближающимся сроком.

А имея в виду известную русскую привычку напрягать силы и проникать в какие-то запредельные миры уже «на флажке», когда и сроки все кончаются, и времени не остается, то мы сейчас и вступаем в период, призванный откорректировать наше собственное поведение и облик, психологические стереотипы, интеллектуальные формулы и *все прочее*, чтобы хотя бы немного сократить дистанцию между нами и Пушкиным, который существовал с нами вчера и существует «сегодня», и так на протяжении почти 200 лет.

Говоря о такой грандиозной личности как фигура Пушкина, мы не должны забывать его как *реального человека* (в противовес его явлению как неотъемлемой части национальной мифологии), частного субъекта со своими предубеждениями, привычками, хандрой, страстями, болями, склонностью к фатализму, верящего в судьбу и приметы, неуемного в веселье, верного товарища, замечательного отца и мужа, – любой исследователь, размышляя об этом, взваливает на себя задачу невероятной сложности, так как все это вошло в состав лирики поэта, в его другие тексты, и вычленишь

их них *просто* Пушкина практически невозможно. Он, исследователь, вынужден будет обращаться не только ко всему наследию поэта, не только к громадной, не имеющей краев литературе о нем, не только к тем явлениям русской культуры, которые поэт и предугадал и наметил пути их развития, но и к *самому себе*. Сравнение и сопоставление здесь не то что уместны, но единственно необходимы, так как без глубинного, *своего* прочтения и понимания Пушкина, нечего и браться за подобную тему.

Но и ответственность – немыслимая, безграничная. Однако, нечего делать, надо пробовать и делать то, *что должно*. Меньше всего хотелось бы обозначить эту книгу как следование какому-то конкретному жанру. Это, конечно, не монография, не эссе, не публицистическая работа, не философский трактат, не биографический очерк. Всего этого будет понемногу в книге – и *так* и *тогда*, когда автору будет казаться это уместным. В известной мере научный подход к художественному миру Пушкина будет представлен во второй части книги «Мир пророка».

Это будет просто к н и г а, книга о Пушкине, в которой мы прежде всего обратимся к письмам и другим материалам поэта (литературной критике, дневникам, историческим студиям) и попробуем обнаружить в них самые важные – для автора книги в первую очередь, а он надеется, что и для читателя – смыслы и «опорные точки». Необходимо постараться увидеть в этих материалах *историю духовного становле-*

ния Пушкина, то, как его собственное, личное, интеллектуальное и эмоциональное человеческое развитие влияло на содержание основных произведений.

Очевидно ведь, что если бы Пушкин не был великим человеком, то не смогла бы удалиться ему та *роль*, которую он блистательно исполнил – «одного из умнейших людей России» (слова Николая Первого, сказанные о поэте), родоначальника новой русской литературы, фундатора русского литературного языка, писателя, без которого не было бы всей великой русской литературы XIX века. Это настолько ясно, что даже величайшие гении того века – Гоголь, Толстой, Достоевский – безоговорочно признавали его первенство и свою зависимость от него.

* * *

И все же он был безмерно одинок. Одинок всякий гений, заглядывающий туда, куда трудно заглянуть обыкновенному человеку. Но Пушкин был гением *ultra plus perfectum*. Известная хандра его по-своему отражала ощущение того, что он превышал возможности людей своего времени. Даже самые близкие друзья иногда его не понимали. Через такое непонимание пришлось ему пройти в тяжелые недели и дни 1836 и 1837 годов, когда духовно близкие ему люди – Карамзины, Вяземские, Жуковский – не до конца понимали мотивов его поведения и его страдания в ситуации, когда он

один-одиношенек защищал себя не только от обрушившихся на него сплетен и клеветы, но и защищал свое место в русской литературе, свою роль в истории России.

Кн. П. Вяземский писал А. О. Смирновой 2 марта 1837 года, уже после смерти поэта: «Легко со стороны и беспристрастно, или бесстрастно, то есть тупо деревянно, судить о том, что он должен был чувствовать, страдать, и в силах ли человек вынести то, что жгло, душило его, чем задыхался он, оскорбленный в нежнейших и живейших чувствах своих: в чувстве любви к жене и в чувстве ненарушимости имени и чести его, которые, как он сам говорил, принадлежат не ему одному, но России».

После смерти поэта к его друзьям пришло прозрение (и об этом мы поговорим дальше), но в самые тяжелые для него минуты почти никто не разделял его мучений и не оказал ему той помощи, которая могла бы сохранить жизнь, не отдавая на поругание честь. Тот же П. А. Вяземский, один из ближайших его друзей, пишет, совсем немного отойдя от смерти поэта и узнав что-то, что переменило его первоначальное снисходительное отношение к другой стороне смертельной дуэли: «Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти: я не считал его до такой степени способным ко всему. Сколько было в этой страдавшей душе великодушия, силы, глубокого, скрытого самоотвержения!»

Пушкину по его характеру и гению надобно было *всего* сразу и наилучшего. Высватав себе первую красавицу империи, Пушкин по-своему удовлетворил свое мужское и человеческое тщеславие. Он, правда, не догадывался тогда (понимание придет позднее), что за это придется расплатиться. И позже, уже осознавая это, он не знал, что расплата будет самой высокой пробы – его собственная жизнь.

Женившись на Наталье Гончаровой, как мы теперь понимаем, он был обречен. Дон Гуан погибает у него от рукопожатия каменной длани Истукана. Нельзя не вспомнить многочисленные усилия поэта по продаже другого *истукана* – бронзовой скульптуры Екатерины Великой, которая принадлежала его родственникам по жене. Пристроить ее не удалось, несмотря на письма Пушкина Бенкендорфу и другим сановникам. Как писал сам Пушкин – «бывают странные сближения»...

* * *

Разумеется, письма великого человека интересны сами по себе. Они дают нам бесценную информацию о множестве вещей, о которых мы могли бы догадываться, читая его произведения (в случае с писателями) или ссылаясь на другие задокументированные по-своему сведения – автобиографию, публицистику и нечто подобное. Однако такого рода полнота информации о личной жизни, пристрастиях и пред-

почтениях в быту, отношениях с домашними, сведениях о болезнях и разного рода жизненных передрягах, о мотивах поступков, неожиданных комментариев к произведениям и прочее-прочее, без чего мир художника становится нам яснее и полнее, без *писем* становится невозможной. Или, по крайней мере, мы получаем дополнительный стереоскопический эффект, объясняющий нам лучше и глубже то, что автор пытался выразить в своих произведениях.

Конечно, мы не можем рассматривать текст писем как некий абсолютный документ, который или решительно редактирует наше первоначальное отношение к произведениям писателя, или уточняет мотивы его эстетического поведения, или же заставляет совершенно по-иному воспринимать те или иные его тексты.

Эпистолярный жанр заставляет любого человека высказываться откровеннее и яснее, чем он это делает в других формах литературного творчества – в публицистической статье, критическом замечании и т. п. Дистанция между авторским «Я» и его человеческим обликом в письмах становится предельно малой, почти незаметной. (Мы не имеем в виду письма такого рода, как, к примеру, письмо Белинского к Гоголю, которое изначально было ориентировано не на индивидуальное восприятие адресатом, но на больший круг воспринимающих субъектов, в целом на «прогрессивное» русское общество).

Оговорки, описки, уточнения семейного и личного

рода, вроде ссылок на болезни, хандру, неприятности по службе, нелитературная лексика – чего мы только не обнаруживаем в письмах людей, пишущих свои послания не в литературном роде (как, к примеру, «Письма русского путешественника» Н.Карамзина), но ищущих контактов с друзьями, находящимися далеко, жалующихся семье на всякого рода тяготы. В них мы встречаем излияния в виде понятных человеческих жалоб на усталость, невезения в жизни – от игры в карты до конфликтов с начальством, обнаруживаем информацию о начатых или уже завершённых произведениях, воспоминания о шалостях и приключениях в дружьями в прежней жизни, рассказ о любовных романах, рассуждения и оценку прочитанных книг, реакцию на исторические события, возмущение цензурой и политикой правительства по отношению к частной жизни человека, пересказ последних светских сплетен и передача важных сведений о друзьях и их положении в обществе и многое-многое другое – чего мы только не вычитаем в письмах людей пушкинской эпохи. В том числе и в письмах Пушкина.

Два момента хотелось бы отметить перед тем, как читателю будет предоставлена возможность ознакомиться с подборкой писем поэта. Первый связан с указанием на то обстоятельство, что *Письмо* в век Просвещения (вторая половина 18-начало 19 веков) в Европе, а также в России, усвоившей почти все приемы той культурной эпохи, было существенным признаком образованности, принадлежности человека

к «хорошему» обществу. Поэтому к написанию писем относились крайне серьезно, независимо от внутренней, так сказать, градации писем – девичьих, писанных к подругам и наперстницам сердечных увлечений или серьезных мужских, в которых обсуждается самый широкий круг проблем – от политических до философских. Написать письмо, отослать его и ждать непременно ответа – это был процесс, который составлял важную часть бытовой жизни людей, а вместе с тем выступал своеобразным *дневником эпохи*, описывая ее почти во всех ракурсах – от общественно-психологических до предельно бытовых, семейственных. Эпистолярная культура составляла важную часть общей культуры. Авторы писем той эпохи во многом следовали примерам и родам писем, в том числе появлявшимся в художественной литературе, где переписка героев становилась не только сюжетным приемом, но включала в себя почти все содержание проживаемой персонажами жизни. Эпоха сентиментализма и романтизма дала немало примеров подобного рода текстов в английской, французской, немецкой и русской, конечно, словесности.

В реальной жизни людей письмо становилось важным документом, подчас заменявшим личное общение, несмотря на то, что, казалось бы, адресант и адресат находятся в одном городе и вечером они непременно встретятся на светском рауте или в каком-либо салоне. Этому процессу уделялось значительное время. Стиль и форма эпистолярных посланий постоянно видоизменялись и совершенствовались,

происходило следование *моде* по появлявшимся литературным, в первую очередь, образцам.

В случае с такими действующими лицами эпохи, как В. А. Жуковский, П. Я. Чаадаев, кн. П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, М. Н. Погодин, Д. Давыдов, генерал Бенкендорф, русские императоры, наконец, это также была и форма фиксирования в переписке политической, философской, нравственной, психологической позиции. В определенной ситуации, как, к примеру, переписка между Пушкиным и Чаадаевым – это по-своему целый и значительный период становления русской исторической и философской мысли. При том, что завершающий ответ Пушкина остался не посланным. Этот диалог между выдающимися мыслителями, которому посвящена отдельная глава во второй части книги, осуществлялся именно эпистолярным образом.

Горизонтальная коммуникация в обществе того времени осуществлялась путем постоянно идущего диалога между различными субъектами социума, а в целом этот многообразный и широко разветвленный диалог превращался в п о л л о г, посредством которого осуществлялся процесс обмена мнениями, оценками, происходило определение общих критериев нравственного поведения, социальной позиции, что, без сомнения, способствовало *шлифовке* самосознания русского общества. Письма Пушкина играют в воображаемом градуировании эпистолярного наследия эпохи главенствующую роль.

А по российским реалиям это еще были вопросы времени отправки почты в другие города (до 12 дня необходимо было успеть), или, по счастью, случившаяся *оказия*, то есть едущий в другой город верный человек, с которым можно передать письмо без оглядки на полицейскую перлюстрацию и *расписаться* куда больше и откровеннее, чем обычно. И точно знать, в какой день надо ждать ответа, так как письма, хотя и через несколько дней, но доставлялись почти вовремя, без опозданий.

С другой стороны, это был способ психологической и культурной «сверки» позиций, выработки общего мнения; через письма шла передача последних сведений о литературных новинках, постановках в театрах, полученных из-за границы книг иностранных авторов, рассказ о последних светских сплетнях.

Таким образом, письмо становилось паллиативным актом не только художественного творчества (независимо от того, писалось ли оно на русском или на французском языках), так как от его автора требовалось хорошее знание правил создания писем, соблюдения известной стилистической чистоты и изящества. Этому можно было обучить. К примеру, письма Натальи Николаевны Гончаровой (и которые были написаны по-французски) производят достойное впечатление своей правильностью композиции, крепкой и точной фразой, что подчас создает несколько превратное представление о ее возможностях адекватно оценивать и осмыслять события,

происходившие с нею и А. С. Пушкиным в 1836–1837 годах. Стилль письма подчас умнее самого адресанта. Особенно это характерно для французских версий писем, написанных русскими авторами.

По счастью позапрошое столетие, не будучи обременено ныне общепринятыми средствами связи, со слабо развитой сетью сообщения между разными городами и странами, создало внутреннюю культурную ситуацию, по которой эпистолярный жанр стал наиважнейшим документом, в котором фиксировались многие бесценные сведения как о личной жизни людей, так и об исторических событиях, психологии поведения людей в разных ситуациях, через них приоткрываются многие тайны совершившихся фактов социальной и исторической жизни прошлых эпох.

Серьезность отношения к письмам проявлялась и в том, что во многих случаях они не писались сразу, набело, а создавалось несколько черновиков (по крайней мере так было в пушкинскую эпоху, и сам поэт именно таким образом писал свои письма (не все, конечно) к душевным друзьям, соратникам по литературе – кн. П. А. Вяземскому, П. В. Нащокину, В. А. Жуковскому, П. Я. Чаадаеву, А. А. Дельвигу и многим другим. Тем более, когда речь шла о письме к *важному лицу* по серьезному поводу. Часто письма писались специально для дальнейшей передачи их содержания публике, если изложение событий и их оценка касались крайне важных и существенных сторон жизни всего общества, и авторы

писем настаивали на цитировании своих посланий в кругу друзей или просто в «свете»².

Два подобных письма, особого, сверх-важного содержания мы приводим в этой книге. Это письмо В. А. Жуковско-го, направленное отцу поэта С. Л. Пушкину с подробнейшим описанием событий, предшествовавших дуэли, самой дуэ-ли и смерти Пушкина. А также письмо другого друга поэта кн. П. А. Вяземского, которое тот направил великому князю Михаилу Павловичу с воссозданием обстоятельств дуэли и кончины Пушкина, *но* с важным объяснением члену импе-раторской фамилии реакции общества на смерть поэта, вы-разив в письме негодование (хотя и в «скромной» форме) жандармским участием в организации похорон, отпевания и прощания с поэтом. Без этих писем наше представление о таком трагическом событии русской культуры, как смерть Пушкина, было бы неполным и не таким глубоким, как это воспринимается всяким читателем после их прочтения.

Письма того времени становились серьезным документом и позволяли их автору защищать себя от клеветы, сплетен, ложных обвинений, уточнять что-то существенное, что име-ло отношению к нему лично или к его деятельности, то есть

² Такой своеобразной фигурой в истории русского эпистолярия был московский почт-директор А. Я. Булгаков, который, пользуясь своим особым положением, мог легко делать важную информацию (да и не только важную, но просто любопытную) достоянием почти всего общества. Именно ему особо писал П. А. Вяземский об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина с тем, чтобы эти факты, точные и правдивые, стали известны многим людям.

выступало для него, как своеобразный и важный аргумент по защите своих интересов и честного имени. Они выступали и как политический или философский трактат (письма Пушкина к Чаадаеву), служили впоследствии важнейшим свидетельством для фиксации крайне важных исторических событий. Без подобных писем многое было бы нам неизвестно, и наше представление сегодня о людях, событиях, истории пушкинской эпохи, которая включила в себя всего-навсего чуть больше 20 лет его творческой жизни – оказалось бы неполным или неверным.

Наконец, письма являлись (наряду с дневниками) неповторимыми «отпечатками» эпохи, из которых можно было почерпнуть сведения о таких частностях обыденной психологической жизни людей, о которых нельзя найти упоминаний в учебниках истории или других сочинениях.

И, конечно, говоря о величайших именах русской культуры – Толстом, Гоголе, Достоевском, Тургеневе, Герцене, Гончарове и множестве других, без их сохранившихся, по счастью, писем, нельзя получить полное представление о многогранности их духовной жизни, об отношении к другим людям, писателям в том числе. Поэтому классический вид издаваемых собраний сочинений в *прежние времена* непременно включал в себя подборку писем писателя.

В случае с Пушкиным все вышеотмеченное также имеет существенное значение. Но не только. Применительно к эпистолярному наследию Пушкина необходимо говорить о фор-

мировании именно в письмах подходов и основных принципов его художественной прозы. Это одна из наиважнейших внутренних задач, которая определялась им при написании своих писем.

Один из известных исследователей прозы Пушкина А. Лежнев замечал по этому поводу: «Это еще вопрос, чему отдать первенство: художественной ли... прозе Пушкина или его письмам?» Он имел в виду характерные и для прозы Пушкина и для его писем афористичность, энергию выражения, особую ритмику, насыщенность фразы движением. Это справедливо, так как собственно прозаические в строгом смысле слова вещи Пушкина стали появляться в конце 1820-х годов, так что «площадка» написания писем была естественным пространством формирования и становления пушкинского прозаического дискурса.

Хотя можно сказать, что у Пушкина и не было какого-то периода ученичества в этом отношении. Он сразу реализует себя и именно что в письмах в виде «твердого» стилиста, его стиль уже как бы и сформирован – это *прямое* отношение к предмету описания и таким образом, что сразу берется основное, главное. Развитие действия идет очень быстро, без лишних комментариев, внешне этот дискурс почти а-психологичен, несмотря на то, что в письмах Пушкин уделяет много внимания эмоциональной стороне своей жизни. Это поиск такой фразы, которая конденсированно, почти афористично, а часто и парадоксально выражает самое главное, ос-

новное в том предмете, характере человека, о которых пишет Пушкин.

В письмах, как и в художественной прозе, Пушкин приступает сразу к делу, к сути. Он *лишает себя удовольствия* окружить главное действие каким-то дополнительными обстоятельствами или условиями. Как восхищался Л. Н. Толстой наброском Пушкина «Гости съезжались на дачу», из которого, как он сам признавался, вырос роман «Анна Каренина»! Потом, правда, и именно что в с в о и х письмах, он написал, что «повести Пушкина голы как-то», то есть без тех подробностей чувства и мысли героев, без «диалектики души», которая стала мировым открытием Толстого для прозы середины и конца XIX века.

Эта краткость, энергичность, устремленность пушкинской фразы к своему стилистическому завершению в виде созданного афоризма или лапидарной характеристики внешности или поступков героя – все это формируется безусловно в письмах и в других жанрах пушкинской прозы – дневниковых заметках, критических набросках или в целых статьях, в исторических анекдотах и во всем том, что он называл «table-talk». Все эти прозаические наброски сохраняют единство пушкинской интонации и пушкинского скрыто-художественного отношения к изображаемым событиям или людям.

Пушкинская линия была подхвачена не только Лермонтовым, что безусловно, не только Герценом, что менее оче-

видно, но на самом деле это так, не только Чеховым и Буниным уже на рубеже XIX и XX веков, но она осталась как существенная часть русского прозаического дискурса вообще, присутствуя так или иначе в мимесисе почти всех крупнейших русских прозаиков.

От подобных достижений пушкинской прозы, которые были отмечены выше и которые начинали определяться в его письмах, не могли «уберечься» ни Достоевский, ни Гоголь, несмотря на всю значительную стилевую разницу их прозы.

Надо понимать, что по сути Пушкину не на что было опереться в художественном смысле. Известное воздействие на формирование его стиля оказала историческая, и не только, проза Карамзина; да частично отголоски такого рода энергичной выразительности и афористичности мы обнаруживаем у протопопы Аввакума. И все, больше некого поставить перед Пушкиным в качестве предшественников применительно к прозаическим его сочинениям.

Однако для читателя, конечно, интереснее следить за личными переживаниями поэта, отраженными в письмах, чувствовать непосредственное дыхание жизни, проживаемой поэтом. Пушкин предельно искренен в своих письмах к друзьям, он удивительно прям в своих посланиях к правительству и царям, он обольстителен и обаятелен в письмах к женщинам, он предстает поразительным семьянином – мужем и отцом в письмах к жене.

Разные чувства, разные состояния души отражены в пись-

мах поэта, но автору книги, представляющему с в о ю подборку выдержек из писем поэта, кажется, что читатель может в ней увидеть развитие *души* поэта, проследить этапы его гражданского и человеческого возмужания, познакомиться с особой задушевностью писем к друзьям и другим близким ему людям, с его эмоциональным миром.

Эт о г о л о с самого поэта, это его протянутая нам через два с лишним века рука понимающего и участливого друга. Ведь он всегда думал и мечтал «дотянуться» до нас, потомков, своими стихами, своим словом, всей своей личностью; он верил в то, что мы его поймем, мы его оценим так, как этого хотелось ему самому. Так будем же достойны этого поэтического доверия, не подведем надежды Пушкина на «суд потомков» – разглядим за его сомнениями и радостями, муками любви и страстью к жизни, открытостью к бытию и верой в свое отечество человеческую сущность Александра Сергеевича Пушкина, так много сделавшего для всех нас в нашей жизни, даже и не зная, какими мы будем на самом деле, но верившего в Россию, в русскую литературу, в русских людей.

* * *

Автор хочет предупредить читателя, что цитирование писем делается не полностью и, конечно, не всех эпистолярных документов, принадлежащих Пушкину. Разумеется, мы ис-

ходим из тех писем, которые дошли до нас. Также понятно, что цитирование производится в дозволенных и сегодняшней цензурной (или как это называется витиевато – ментально-культурной) практикой, и не позволяет приводить выражения Пушкина во всей свободе его фактического высказывания. Часто он не обращал особого внимания на общепринятость лексики – главное было для него донести точно и без *экивоков* ту мысль или ту свою эмоцию, какие он хочет изъяснить в письме. *Полные* тексты писем Пушкина, как и других его «вольных» сочинений, доступны сейчас всем, но, как правило, известны в основном специалистам. Но и в предлагаемых отрывках писем поэта мы видим силу убежденности поэта в своей правоте по тем или иным вопросам литературной и общественной жизни, наслаждаемся живостью его эмоций и виртуозностью владения поэтом всеми ресурсами русского языка.

То же самое неполное цитирование автор книги делает и с отрывками из литературной критики поэта, его исторических заметок, дневниковых записей. Задача, которая объединяет представленную подборку пушкинских материалов, состоит в представлении *духовной эволюции поэта*, показа развития его личности, становления его как художника, мыслителя, историка, философа, наконец.

Понятное дело, что не ко всем письмам, литературно-критическим статьям, другим материалам Пушкина автор стремится сделать комментарии или как-то по-иному объяснить

предлагаемый для читателя материал: часто пушкинский текст говорит сам за себя и читателю необходимо просто в него вчитаться.

Наше удивление многообразностью проявления гения Пушкина требует известного ответа на вопрос, – а почему именно *он* стал ключевой фигурой русской культуры и продолжает занимать это место и сейчас? На каком содержании и через какие смыслы выросло его понимание России, ее истории, отношение к перспективам развития русского человека, оценка европейской и мировой культур, его взгляд на основные ценности жизни – любовь, патриотизм, нравственные идеалы, свободу человека, необходимость веры.

Все это не проявилось у Пушкина *вдруг*, в самом начале его великого поприща, хотя гениальность поэта была видна почти всем, кто общался с ним, разговаривал, спорил, обменивался мнениями о судьбах русской истории и путях русской литературы. Это был трудный процесс выработки основных представлений о самом главном в жизни, без чего не может жить всякий человек, тем более национальный поэт; на этом пути он совершал и ошибки, заблуждения самого горького свойства, но он все это преодолел и в этом своем преодолении выказал великий урок всем тем, кто пытается ему наследовать.

В первой книге также представлены материалы, связанные с обстоятельствами дуэли и смерти Пушкина, о которых мы упомянули чуть выше: это письма В. А. Жуковского отцу

поэта и кн. П. А. Вяземского великому князю Михаилу Павловичу. Эти документы, созданные сразу после смерти поэта, обладают не только предельной достоверностью в передаче деталей этого трагического события, но и сильнейшей эмоциональностью, заставляют нас еще раз прочувствовать боль утраты и обретенное нами со смертью Пушкина *духовное сиротство*. Это сиротство было восполнено лишь впоследствии, когда, взросшие на примерах жизни и творчества Пушкина, сформируются гениальные фигуры Толстого и Достоевского и придадут развитию русского общества необходимую историческую глубину, интеллектуальную свободу и нравственную силу. Но все это оказалось возможным только на фундаменте, созданном Пушкиным.

Немало место в книге уделено воспроизведению отрывков из литературно-критических статей, исторических штудий, дневниковых записей и других материалов поэта. Этот пласт его творчества также тесно связан с теми задачами по развитию русской культуры и русского общества, о которых сказано выше.

И письма, и отрывки из литературных статей и исторических замечаний Пушкина сопровождаются комментариями, в которых уточняются не только обстоятельства появления на свет того или иного текста, принадлежащего поэту, но и дается интерпретация их содержания, того, как они перекликаются с другими произведениями Пушкина.

Завершает первую часть книги подборка стихов и отрыв-

ков из поэм Пушкина, в которых, на взгляд автора данного труда, можно обнаружить ту самую линию возвышающего духовного развития поэта, которую мы пытались представить читателю в подборке выдержек из писем, литературной критики, исторических исследований, дневниковых заметок поэта.

Во второй части книги «Пушкин: духовный путь поэта» дан целый ряд статей научного толка, в которых изложен подход к художественному миру, историческим взглядам, философским представлениям, другим аспектам творчества поэта.

Эту книгу, состоящую из двух частей, можно использовать в зависимости от предпочтений и интересов читателя. Первая – может служить известного рода сокращенным сводом писем и литературной критики поэта, наряду с его историческими изысканиями и наблюдениями над русским языком, над европейской культурой, рассуждениями о судьбе России. Добавленная к этой части подборка стихов и отрывков из поэм Пушкина выступает как художественный эквивалент рефлексий, подтверждает его исторические и философские подходы, нравственно-религиозные ценности, которые он обсуждал в переписке с друзьями и близкими ему людьми, отстаивал в литературно-критической и исторической деятельности.

Вторая часть книги носит более научный, концептуальный характер. В ней автор представляет свое понимание ос-

новных проблем и смыслов творчества поэта, среди которых читатель обнаружит главы: *Явление Пушкина как выбор русской культурой своего пути развития; Пушкин и идентичность русской культуры; Пушкин, Россия, история; Пушкин как отражение стихии русской жизни; Русский ум Пушкина: структура метафоры и окончательное формирование национального образа мира; Пушкин и Чаадаев: к поискам «русского пути» в истории; Философско-эстетическая эволюция Пушкина: от европейского Просвещения к русскому Возрождению; Пушкин и Мандельштам: борьба за русское слово; Раскаяние и покаяние в духовном развитии поэта. Некоторые вопросы религиозного сознания Пушкина; Хронотоп пушкинской картины мира и другие.*

Поэтому выбор за читателем, какую именно из частей книги предпочесть. Но главный интерес автора будет соблюден, так как он сосредоточен на привлечении внимания публики к самому имени Пушкина, к тем вопросам его творчества, которые, может быть, в силу традиции облакаются в несколько академический характер и поэтому стали не очень интересны широкому читателю.

Важный вопрос, кому *конкретно* предназначена эта книга. Первая ее часть, скорее всего, ориентирована на рядового читателя, которого не очень занимают вопросы литературоведческого или иного анализа творчества поэта; он желает еще раз прикоснуться к строкам Пушкина, ознакомиться с его письмами, историческими заметками, перечесть его сти-

хи. Наверно, потенциальным читателем *первой части* будет и школьники старших классов, студенты первых курсов филологических специальностей.

Вторая часть может быть интересна исследователям русской литературы, русской культуры, в определенном отношении – философам. Хотя, как сам автор неоднократно убеждался на встречах с читателями своих книг, ведя с некоторыми из них переписку, многих из них интересуют сложные вопросы развития русской культуры, они горячо увлечены вопросами жизни и творчества одного из главных наших гениев – Пушкина.

И последнее, все тексты, принадлежащие перу А. С. Пушкина, цитируется по изданию: Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание 3-е. М.: Издательство Академии наук СССР. 1962–1966. Они даются в книгах с «отбивкой» от края страницы.

Письма Пушкина

1 чертёж — 2 говоритъ Санкт
Петербургу по времени 3 Москва
4 чертёж, Петербургская
Братъ, вѣдь медъ кар-
тинка съедъ отъ меня —
каждъ изъ васъ и Бискупъ
картинка

1816

27 марта 1816 г. П. А. Вяземскому. Из Царского Села в
Москву.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради Бога, не Лицея) не казался мне таким несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину...

Бог ты мой, как переменится со временем эта пушкинская юношеская открытость к миру, необходимость контактов и встреч с друзьями, бесконечных бесед, веселых пирушек, – и как будет он стремиться именно что к «уединению» и покою: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»

1819

Вторая половина июля-начало августа 1819 г. Н. И. Кривцову. Из Михайловского в Лондон. (Черновое).

Я не люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей – а перо так глупо. Так медленно – письмо не может заменить разговора.

Написав *так*, Пушкин пока еще не подозревает, что его письма станут одним из самых приметных документов времени, что их блестящий стиль и свободное ведение диалога со своими собеседниками будут мало с чем сравнимы в мировой традиции. А его письма к жене, написанные в период долгих отлучек, напротив, будут свидетельствовать о желании постоянного общения с семьей посредством писем. Он

также был блестящ в письмах, как и в разговорах и беседах с людьми, которые были ему интересны.

1820

Около (не позднее) 21 апреля 1820 г. П. А. Вяземскому. Из Петербурга в Варшаву.

Твои первые четыре стиха... в послании к Дмитриеву – прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны – и дружба в сторону. Катенин стоит чего-нибудь получше и позлее. Он опоздал родиться – и своим характером и образом мысли весь принадлежит XVIII столетию. В нем та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии. Тогда ссора Фрегона и Вольтера занимала Европу, то теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов – жалеть, кажется, нечего – а все-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее – скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо.

Замечательное место в письме к князю П. А. Вяземскому, задушевному другу и одному из самых высокообразованных людей своего времени. Первое, что надо отметить, для Пушкина в *поэзии* – нет дружбы: необходимо всегда и в любой момент говорить правду. А далее в письме еще интереснее: он, почти еще юноша, задумывается о вопросах глобальных: о взаимосвязи литературных эпох России и Европы. Назы-

вая XVIII век – веком философии, он обращает внимание на то, что во многом сформировало и круг чтения, и образ мысли (в известной степени, конечно), и его мировоззрение в итоге, – что это был век Просвещения, который так и не наступил, как ему казалось, в России. По существу именно он сам и станет *русским Просвещением*, равным по своему значению и результатам европейскому. Вместе с тем ему кажется, что «наш век – не век поэтов», и их становится все меньше. Впрочем, здесь вопрос заключается в другом – имя поэта для него слишком высоко, и настоящих поэтов всегда *немного*.

Пушкин уже тогда отчетливо представлял разницу между собой и другими стихотворцами, не мог не чувствовать это, – слишком мощную поэтическую силу он ощущал в себе, не зная поначалу, куда и как она развернется. Пушкин этого периода становления его *духовной структуры*, конечно, весь в поисках, которые будут бросать его из стороны в сторону именно что в поэтическом смысле: наряду с «классической» лирикой появляются эпиграммы, «легкие» неподцензурные стихи, почти на грани культурного фола, за которые впоследствии ему не раз и не два придется оправдываться перед правительством и перед собственным внутренним судьей.

Это ситуация, о которой мы подробно рассуждаем в нашей книге «Достоевский против Толстого» (Санкт-Петербург, изд-во «Алетейя». 2015), крайне важная для русской культуры первой половины XIX века. Она, эта культура, еще

не знает своего места в «европейском хоре» культур. Многого пропущено, не все известно (цензура и тут постаралась!), о многом приходится догадываться, но главное уловлено Пушкиным: Россия пробирается через те культурные эпохи, которые Европой уже пройдены. И в первую очередь речь он ведет об эпохе Просвещения с культом образованного и широко просвещенного человека, скорее всего атеиста, стихийного республиканца, открывающего в культуре прежде запретные темы и сюжеты.

Правда, и здесь свои любопытные отличия. Ведь, как ни суди, но охальные, по-другому и не скажешь, писания Вольтера, Парни, маркиз де Сада, это все же нечто другое, чем вирши И. Баркова, которые более опираются на народную низовую культуру, чем на письменную традицию. Когда А. Афанасьев соберет и опубликует «Заветные сказки русского народа», многое станет известно относительно этого рода литературы в русской словесности.

Конечно, пушкинские «Царь Никита», «Гавриилиада», «Тень Баркова», «Монах» никуда не выкинешь из пушкинского свода текстов, но они замешаны на другом тесте – на просвещенческой свободе европейского рода. И с этим не поспоришь. Другой вопрос, что Александр Сергеевич все это преодолевает, но убрать вышеуказанные вирши из его творчества, сделать вид, что их не было, совсем не резон. В культуре нет места эстетическому стыду.

1821

21 сентября 1821 г. Н. И. Гречу. Из Кишинева в Петербург.

Вчера видел я в «Сыне Отечества» мое послание к Ч-у; уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее liberal, оно прямо русское, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем.

1822

1 сентября 1822 г. П. А. Вяземскому. Из Кишинева в Москву.

Ты меня слишком огорчил – предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда – жила довольно для славы, мало для отчизны. К счастью, не совсем тебе верю, но понимаю тебя. Лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить европейскую Россию... Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах – а там, что Бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться...

Прекрасное, глубокое письмо молодого Пушкина, который не на шутку расставляет важные вехи своей будущей деятельности. Вот уже сейчас появляется также иронический

(внешне) намек на необходимость писания п р о з ы («лета к суровой прозе клонят»).

Важнейшим является также указание на необходимость разработки оригинального «метафизического», то есть русского философского языка. Эта тема станет одной из внутренних, заповедных тем Пушкина, к которой он будет возвращаться не раз и не два. Но он задумался об этом очень рано. Так рано его гений понял необходимость такого шага для русской языковой картины мира. Любопытно, что он подтверждает наличие этого «метафизического» языка уже в самих письмах Вяземского, и соответственно, в своих ответах ему. Таким образом, письма лучших, образованнейших людей того времени становились площадкой развития многих особенностей русской литературной речи, в том числе и связанной с философствованием.

И наконец, шутливое замечание его о грамотных людях, которые скоро будут «нужны России» отдает глубинной, *ледяной* серьезностью – никогда Пушкин не забывает об *отчизне* в самом высоком смысле слова. Вот эта природная, глубинная историчность его сознания, впервые высказывает себя именно в письмах к друзьям, чтобы потом найти себя в «Борисе Годунове», «Капитанской дочке», истории Петра и записках о Пугачевском бунте. Это удивительно, как в самом начале своего творческого пути его ум начинает проникать в самые тайники национального духа, сути жизни отечества.

Сентябрь (после 4) – октябрь (до 6) 1822 г. Л. С. Пушкину. Из Кишинева в Петербург. Перевод с франц.

Ты в том возрасте, когда следует подумать о выборе карьеры; я уже изложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае твое поведение надолго определит твою репутацию и, быть может, твое благополучие.

Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это – средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой... Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение чаще

всего – предательство. – Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако эта забава достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды, – будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства и обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов (увы, сколько раз самому поэту придется в своей жизни опровергать эту максиму – Е. К.); лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и во всяком случае она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут

избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастье твоей жизни.

Поразительное письмо, написанное совсем молодым человеком, ведь Пушкину исполнилось всего-навсего 23 года. Оно близко письму, которое пошлет Антон Чехов своему брату Николаю. Они во во многом совпадают даже по ряду выраженных позиций – суждения о женщинах, к примеру. Помимо легко узнаваемого светского table-talk и употребления некоторых привычных для разговоров светских людей выражений и тем, Пушкин в письме брату Льву выступает как моралист, производящий психологическую и нравственную оценку своему времени и обществу. Некоторые вещи объясняют многое и в самом творчестве поэта: чего стоит, к примеру, сентенция в виде совета брату думать о людях как можно хуже – в таком случае ошибки не будет.

1823

6 февраля 1823 г. П. А. Вяземскому. Из Кишинева в Москву.

Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос – французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность. У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим словом – и то не

точным и заржавым... Вся трагедия (Озерова – Е. К.) написана по всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение...

Читал я твои стихи в «Полярной звезде»; все прелесть – да ради Христа прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею.

Пушкин абсолютно точно понимает «возраст» русской словесности – «отрочество». То есть с самого начала он отчетливо и рационально выстраивает свою творческую стратегию, как преодоление разрыва между отечественной литературой и тем, что уже сделано на Западе (Франция здесь первый пример и почва для подражания и соревнования). Он определяет цель, в параметры которой вписываются и реформирование поэтического языка, и порождение оригинального русского театра (драматургия), и развитие прозы, и борьба со всевозможной архаикой, еще пробивающейся в литературе.

Короче, это программа, и четко обдуманная, пусть она еще не сформулирована пока с кристальной ясностью, что он будет делать в своих литературно-критических опытах, но путь к этой цели для Пушкина очевиден, и свое место в русской литературе он определяет по мере продвижения к этой цели.

13 июня 1823 г. А. А. Бестужеву. Из Кишинева в Петер-

бург.

Покамест жалуясь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить?

Это пушкинское замечание в продолжение соображений о состоянии русской литературы. Пушкин по-своему далек от тем и стиля Радищева, но он понимает его важное место в уже состоявшейся истории русской литературы, пусть даже «отроческой». К Радищеву он будет возвращаться не раз и не два и в своих критических работах, и в дневниковых заметках, и посвятит ему свое «Путешествие из Москвы в Петербург», то есть *обратное* по движению радищевскому «Из Петербурга в Москву» (см. об этом ниже, в разделе о литературной критике Пушкина). В нем он выразит свое очевидное неприятие радищевского радикализма, но в очередной раз подчеркнет его значение для русской словесности и русской общественной мысли.

1–8 декабря 1823 года. П. А. Вяземскому. Из Одессы в Москву.

...Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе.

В этом письме Пушкин начинает завязывать один из главных узлов своего отношения к вопросам формирования русского литературного языка. И здесь мы должны доверять ему безоговорочно, так как никакого более точного подхода – и даже не столько интуитивно-художественного, – но рационально определенного и безошибочного, исходя из перспективы развертывания русского языка в дальнейшей истории русской литературы, до него не было. Да и после него также.

Коллизия, казалось, простая – что составляет суть и основу «первобытного», то есть еще не развитого для выражения *всей* полноты мыслей и чувств человека, русского языка? Пушкин, кстати, начав эту тему, постоянно к ней возвращается, в том числе непосредственно в своих текстах (вспомним замечательные *отступления* на сей счет из «Евгения Онегина»³), дневниковых заметках, в статьях и, конечно, в своей переписке.

В чем будет состоять суть формируемого русского литературного языка, в чем он должен превзойти языки уже сформировавшихся культур? В этом письме Пушкин указывает на некую «библейскую похабность», но это «похабность»

³ Она казалась верный снимок *Du comme il faut* (Шишков, прости: Не знаю, как перевести.) Никто бы в ней найти не мог. Того, что модой самовластной В высоком лондонском кругу зовется *vulgar*... (Не могу. Люблю я очень это слово, но не могу перевести; Оно у нас покамест ново, и вряд ли быть ему в чести) Или: Я мог бы пред ученым светом здесь описать его наряд. Но панталоны, фрак, жилет. Всех этих слов на русском нет; А вижу я, винюсь пред вами, что уж и так мой бедный слог Пестреть гораздо меньше мог. Иноплеменными словами, Хоть и заглядывал я в старь В Академический словарь.

не в тематическом, так сказать, смысле, которую он сам по молодости лет реализовывал в таких своих текстах, как «Тень Баркова» и подобных. Ведь не предлагает же он пойти русской литературе по пути Баркова. Вовсе нет. Мысль Пушкина связана с выявлением «грубости и простоты», где «грубость» должна пониматься как *онтологическая открытость*, которая всегда будет задевать некую «чувствительность» вроде сентиментальной или романтической, но будет соответствовать правде жизни. Об этом он не раз еще выскажется в своих работах критического рода, но наметки такого подхода видны уже здесь.

И «простота», то есть то, к чему он сам пришел на исходе своего творческой жизни, правда, не подозревая, что это действительный «исход», то есть завершение пути – в стихах болдинского цикла, в прозе («Повестях Белкина» и «Капитанской дочке»). Это то, что в последующем будет по-своему мешать Льву Толстому, который заметит, что прозаические вещи Пушкина «голы как-то». Но без этой библейской простоты, обнаженности неких исходных характеристик и качеств русской жизни и русского характера не состоялся бы и сам Толстой. При этом не стоит видеть за этой «простотой» некую обращенность Пушкина к простонародному типу речи, который он широко использовал, но отнюдь не считал, что именно она, эта речь, должна лечь в основу русского литературного языка. Богатство подходов Пушкина ко всем возможностям русского языка, в том числе и в его обра-

ценности к «телесному низу», поражает и делает единственным возможным ответ на вопрос, что именно подобная широта и беспристрастность языкового плана и позволила Пушкину реформировать русский язык *изнутри*, открыть в нем и метафизические глубины и сохранить эллинистического и «библейского» *плана* прямого взгляда на действительность, находя для ее описания наилучшие слова и приемы, не взирая на нарушения или *переступания* существующих стилистических норм.

Да и то, стоит вспомнить единственный в своем роде пример из того же Толстого, когда громадное здание «Анны Карениной» вырастает у него из одной строки Пушкина «Гости съезжались на дачу». Вот эта библейская сконцентрированность в своей обнаженной простоте через сжатую и лапидарную форму, но потенциально несущая в себе развертывание громадного и сложного содержания – уникальна и непревзойдена никем в истории русской литературы. И это, не говоря о Гоголе, которому были дарован Пушкиным ряд сюжетов, но в пушкинской подаче они содержали в себе будущие построения автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Не говоря о Достоевском, который весь, по сути, виден (матрица его героев) в «Пиковой даме», в «Пире во время чумы», в «Медном всаднике» Пушкина.

Не менее важна последняя строка из приведенного письма. «Убежденность» Пушкина – «внутренняя», то есть выношенная, обдуманная – «но пишу по привычке». Это он к

тому, что совершенно иначе оценивал свои ранние романтические поэмы и мог в полемическом задоре написать, что в «Бахчисарайском фонтане» лучше всего «эпиграф», а лучшее, что он написал до этого момента – это поэма «Разбойники». Пушкин понимал, что время сентиментализма и романтизма завершилось. По крайней мере, для него «изнутри» литературного процесса видно, что *писание* «по привычке», в рамках старых литературных школ и направлений приводит к ложным результатам. Поэтому он ломает романтическую, прежде всего, традицию и переходит к созданию «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», в которых именно что нельзя заметить следов «европейского жеманства и французской утонченности».

Надо отметить, что с сильным влиянием французского языка и французской литературы Пушкин не переставал бороться на всем своем творческом пути. Это была борьба не «против», но за «свое», оригинальное, позволяющее выразить с наибольшим эффектом особенности того русского литературного ума, который у Пушкина приобрел какую-то эталонность, пленяющую нас до сих пор.

20 декабря 1823 года П. А. Вяземскому. Из Одессы в Москву.

Поздравляю тебя с Рождеством спасителя нашего
господа Иисуса Христа.

Январь-начало февраля 1824 Л. С. Пушкину. Из Одессы

в Петербург.

Святая Русь становится мне невтерпеж. Ubi bene ubi patria. А мне bene там, где растет трын-трава, братцы. Были бы деньги, а где мне их взять? Что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться. Русская слава может льстить какому-нибудь В. Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других... – таков я в наготе моего цинизма.

1824

8 марта 1824 года. П. А. Вяземскому. Из Одессы в Москву.

Благо я не принадлежу к нашим писателям XVIII-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола.

Это еще одна из постоянных житейских тем и мук Пушкина – невозможность получать какой-то доход, который бы обеспечивал его независимое и достойное существование. Особенно это усилится после женитьбы поэта. Нескончаемые долги, займы денег у друзей и полужнакомых людей, ростовщиков; значительная часть его переписки посвящена этим финансовым расчетам, возвращению денег, обременена просьбами о новых заимствованиях.

Трагически-фарсовым выглядит заклад Пушкиным в самый канун дуэли роскошных платков Натальи Николаевны, чтобы выручить какие-то деньги, в том числе и для покупки

дуэльных пистолетов. К этой теме мы еще вернемся во второй части книги.

22 мая 1824 года. А. И. Казначееву (?). Черновое. В Одессе.

Еще одно слово. Вы, может быть, не знаете, что у меня аневризм. Вот уж 8 лет, как я ношу с собою смерть.

Даже если принять во внимание страстное желание Пушкина вырваться из Одессы, вернуться в столицу, это его утверждение должно быть рассмотрено со всею серьезностью. Мысль о «гробовой доске» намекает здесь нам на ряд мрачных сюжетов Пушкина, связанных с небытием.

Начало (после 2) июня 1824 г. А. И. Казначееву. В Одессе. (Черновое). Перевод с франц.

Мне очень досадно, что отставка моя так огорчила Вас, и сожаление, которое вы мне по этому поводу высказываете, искренне меня трогает. Что касается опасения вашего относительно последствий, которые эта отставка может иметь, то оно не кажется мне основательным. О чем мне жалеть? О своей неудавшейся карьере? С этой мыслью я успел уже примириться. О моем жаловании? Поскольку мои литературные занятия дают мне больше денег, вполне естественно пожертвовать им моими служебными обязанностями. Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе. Это две вещи несовместимые. Я не могу, да и не хочу притязать на дружбу графа Воронцова, еще

менее на его покровительство: по-моему ничто так не бесчестит, как покровительство... На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.